

Глава 6.

Шелуха от семечек

Госпожа Сяо одной фразой вынудила отступить свою невестку и сразу же, больше ничего не говоря, спокойно отошла в сторону. Зато молодая невестка Дун Люй-ши, всё время поддерживающая заливающуюся плачем тетю Дун, моментально подняла глаза на госпожу Сяо, последняя мгновенно повернула голову, казалось, у нее сбоку появились глаза, встретилась с глазами Дун Люй-ши, пристально посмотрела на нее как будто со скрытым смыслом.

Дун Люй-ши с замешательством в душе спешно опустила голову.

В стороне, Чэн Ши все еще стоял на коленях напротив матушки Чэн, объясняя:

-...я до этого как раз в письме к матушке рассказывал – дядя нечист на руку и не в первый раз, а уже дважды, к счастью, это было под моим носом, я смог восполнить и все, что нужно, скрыть. Однако полгода назад, воюя в уезде Иян, генерал Ван получил ранение и отправился лечиться в тылу, меня перебросили в подчинение к главнокомандующему Хань, поставив во главе войск. Я ни в коем случае не мог взять с собой дядю в ставку к главнокомандующему, чтобы он уже в его подчинении продолжал заведовать в войске вооружением. Перед тем как уехать, я уговаривал его и так и сяк, откуда же было знать, что дядя даже не смог вытерпеть несколько месяцев и был в итоге пойман! Что же мне делать, матушка?! Разве можно мне упустить такую прекрасную возможность, не отправиться и биться за деньги, почет, заслуги и славу, исключительно ради того, чтобы не сводить взгляда с одного человека – дяди?!

Матушка Чэн на долгое время умолкла, она давно знала, что ее младший брат ворует, вот только полагала, что сын грамотно прикроет или закроет глаза, некоторое время спустя, захлебываясь слезами, спрашивала:

-Тогда сейчас твоего дядю осудят? Неужели велишь ему умереть? Имущество же конфискуют?
- едва услышав эти два слова «конфискация имущества», тетя Дун еще больше зарыдала в голос, а из носа двумя ручейками потекли желтые густые сопля, Юй Цайлин почувствовала омерзение.

Чэн Ши вполне официальным тоном выразил сожаления:

-Это не нежелание, это невозможно.

Только услышав эти слова, матушка Чэн внезапно двинулась с места и дала волю своей грубости, вызывая в памяти своими нынешними действиями, как в прошлом, имея очень сильное тело, она поднималась в горы и пахала плохую землю только силой рук, полных здоровья и сил. Она отшвырнула пинком на пол стоявшие на небольшом столике несколько маленьких тарелочек и суповую миску, принесенные для Юй Цайлин, вдрызг уничтожая убранство комнаты до полного беспорядка. Снова схватив как клещами передний край одежды Чэн Ши, сопровождая плачем навзрыд и слюной, летящей с губ, старуха опять стала ругаться:

-Ты злодей, паршивец с чувством долга! Ты так спокойно наблюдаешь за тем, как твой дядюшка умрет, ах... Я, я в таком случае обращаюсь с жалобой на непочтительность к родителям...

На детей, непочтительных к родителям, дозволено было подать жалобу в учреждение, в лучшем случае на них наложат денежный штраф или подвергнут порке, а если поступит вторичная жалоба, тогда их уволят с должности или надолго отстранят от работы – эта нелепая идея была подана Гэ-ши, в последние годы матушка Чэн обычно использовала ее для того, чтобы держать в руках сына и невестку, и эффект был очень хороший.

Чэн Ши старательно тянул воротник, запахиваясь в него, и сердито сказал:

-Матушка, идите и обращайтесь с жалобой. Государственные дела или семейные дела, что серьезней и чем пренебречь? Дяде предъявили обвинение в воровстве, потому не соглашаюсь слушаться мать и идти давать взятку, чтобы он ушел от уголовной ответственности. Даже если такая "непочтительность к родителям" будет доведена до сведения императора – не страшно.

Матушка Чэн была деревенской женщиной, каким образом она могла знать? Ей было лишь известно, что «непослушание» это и есть «непочтительность к родителям», а если кто-то был непочтителен к родителям, то можно обратиться в суд за скорым наказанием; в действительности же в сравнении между добродетелью почитания родителей и государством, было предпочтительнее государство. У нее больше не было средства воздействия, ей осталось только рыдать, упасть на плетёную лежанку подобно кабаньей туше и беспорядочно крутиться и браниться.

Юй Цайлин жадно смотрела, взяв в руки пиалу, обрадовалась охлажденному лекарственному отвару, поторопившись, допила одним глотком, и смотрела на театральное представление, вопреки ожиданиям даже не заметив при приеме лекарства его неприятный вкус – но откуда ей было знать, что госпожа Сяо мимоходом встретилась взглядом с Цин Ли, все время не отрывавшей взгляда от самой госпожи Сяо, и та, проследив то место куда она смотрит, как нарочно увидела действия Юй Цайлин и какое-то время не знала как отреагировать на это.

Госпожа Сяо сказала глубоким голосом:

-А-Чжу, тщательно заверни Няоняо и проводи в мою комнату для отдыха. – Театральная драка отца с бабушкой – не то, что дозволено наблюдать младшему поколению.

Юй Цайлин была крайне разочарована, но также не осмелилась сопротивляться. А-Чжу расторопно надела на нее мантию, завернула в пальто, рядом Ляньфан и Цяого также в спешке подобрали валики и подушки и отдельно столик с коробочками и закусками, и три человека, протиснувшись вместе с Юй Цайлин, моментально вышли из комнаты, минуя галерею в десять шагов, прошли в другую жилую комнату.

Эта комната очевидно также экстренно приводилась в порядок, в ней была небрежная обстановка, но все равно лучше, чем в ее собственной комнате, Юй Цайлин попутно грызла засахаренные фрукты, одновременно наострила уши, слушая смутно доносившийся до нее

плач и ругань, представляя каков дальнейший ход военных действий. Жаль, но позже она больше не попадала в подобный эфир с места действия, как сегодня.

В течение нескольких дней Юй Цайлин по-прежнему ела, пила лекарство, спала и трижды обходила вокруг комнаты. Чэн Ши и госпожа Сяо, вероятно, были очень заняты, большую часть дня проводя вне дома, она не представляла где они находятся, только госпожа Цин Ли каждый день приходила в комнату к Юй Цайлин посидеть и поговорить, проверяя насколько хорошо восстанавливается организм.

Внешний облик госпожи Цин Ли был обычным, прекрасными у ней были лишь глаза – ясные и ласковые, а по обеим сторонам рта во время улыбки появлялись ямочки, даже когда она не улыбалась, все равно было похоже на улыбку, иначе говоря, отличный способ стать ближе к людям. Юй Цайлин изначально полагала, что она пришла к ней, чтобы преподавать этикет, откуда бы она знала, что госпожа Цин Ли просто-напросто болтала и шутила, разговаривая о домашних делах. Время от времени она приносила еще ни разу не виденные Юй Цайлин деликатесы, такие как крохотные димсамы; время от времени – несколько изящных нефритовых заколок, головные золотые шпильки или серьги. Сегодня Юй Цайлин уже была готова к ее визиту.

-Госпожа и господин привезли много всевозможных вещей маленькой княжне, но все оказались в последней телеге, даже разобрали еще не все. Все это время отвлекало множество пустяков. Необходимо, немного погодя, хорошо устроиться, и только тогда распакуют ящики и корзины, что бы все верно разместить, – сказала с легкой улыбкой госпожа Цин Ли, сидя с выпрямленной спиной, скрестив обе руки на коленях.

Юй Цайлин кивнула:

-Ага, скоро наступит Чжэндань, батюшка и матушка точно заняты.

Глаза госпожи Цин Ли сверкнули, это было неоспоримо.

Из каждодневных разговоров Юй Цайлин поняла, что, оказывается, ее зовут Чэн Шаошан, еще есть ее близнец – старший брат, его назвали именем Чэн Шаогун, как говорят дед – старший господин Чэн – в прошлом был прикован к кровати болезнью на несколько месяцев, и жизнь его висела на волоске от смерти, едва услышав, что госпожа Сяо родила близнецов – дракона и феникса, радость его превзошла все ожидания, внезапно откашляв всю густую мокроту из легких, он вопреки ожиданиям прожил еще очень много времени. Хотя впоследствии все же его повесили, но это долгое время его жизни было благословением для Чэн Ши, пребывающего в критическом положении на поле боя.

Современники повсеместно говорили, что рождение близнецов является счастливым предзнаменованием, и музыкант пожилой господин Чэн весь воодушевился, немедленно нашел абзац в тексте, говоря:

-Я неожиданно еще могу сам увидеть этих детей! Цитра Шэньнуна* обладает пятью струнами, Вэнь Ван** прибавил две струны, назвав их Шаогун и Шаошан***, считаю это за имена для них.

*神農 shénnóng – бог-покровитель земледелия и медицины, также он играет на цитре, чтобы все в природе произрастало.

**文王 wén wáng – правитель из династии Чжоу.

***六 shàogōng, 七 shàoshāng – шестая и седьмая струны, добавленные позже, представляют собой октавные средние тона первой и второй строк в древнекитайской музыкальной литературе.

Никаких сюрпризов. За исключением в то время учившегося вне дома младшего деверя Чэн, из всей семьи только госпожа Сяо понимала о чем говорит пожилой господин Чэн; и поэтому, изначально подготовленное имя новорожденной девочке Чэн Няо успешно стало ее детским именем.

-Когда же старшие братья вернутся домой? – Чэн Шаошан прищурилась, улыбаясь, признавая это новое имя, ничуть не жалея об оставленном прежнем имени, полученном от отца Юй.

-Не надо волноваться, маленькая княжна, на самом же деле позади еще множество экипажей и лошадей, челядь и много всего прочего, включая баракло, важно, чтобы несколько молодых господ приглядывали за всем этим, госпожа и господин очень спешили вернуться, – сказала госпожа Цин Ли.

Чэн Шаошан услышала слово «баракло» и оно заставило ее улыбнуться, интуитивно она поняла о чем речь; наряду с этим было немного странно: почему людям из дома Чэн Ши нравилось называть ее «маленькая княжна»? Очевидно, она – единственная дочь в своем доме, но если суммировать, что семья крупного военачальника Чэн состоит из трех домов (ветвей), то у третьей тетушки есть маленькая дочка.

.....

Здоровье Чэн Шаошан постепенно улучшалось, теперь только и была надежда на то, что скоро неинтересная жизнь постепенно должна исчезнуть как птица, она, волей-неволей с надеждой ожидая этого, ежедневно задавала вопрос «Как дела у семьи Дун?».

А-Чжу ничего не скрывала от Шаошан, однако у нее не было врожденной способности сплетничать, только и отвечала «Господин не согласен» и «Господин до сих пор не согласен» – выбирай любое из двух, время от времени внезапно демонстрировала сверхуровень, но и то – не более, чем «Господин, как бы то ни было, совсем не согласен».

И в отличие от честной малоразговорчивой А-Чжу прислуживавшая ей Ляньфан достаточно много принимала во внимание, она была дочерью подчиненного Чэн Ши, с детства присматривала в семье за большой кучей младших братьев и сестер и смотрела на маленькую княжну, сверкающую от любопытства глазами, но в душе не примирившуюся с добровольной ссылкой в комнату, и у нее созрел план. Отныне, время от времени, Ляньфан обсуждала с Чэн

Шаошан услышанное снаружи «хорошее представление».

Цяого видела все это и недоумевала, тайком спросив:

-Госпожа Цин Ли раньше наставляла, чтобы мы с тобой поменьше говорили, слушали и больше делали, сестрица, ты, главное, держи себя в руках, события снаружи, упомянутые в разговоре с молодой девушкой, - как можно допустить, чтобы она услышала об этом?

Ляньфан сказала со смехом:

-Молодая девушка и хозяйка не виделись больше десяти лет, как она может доверять нам? Мы обе в будущем несомненно будем следовать за молодой девушкой, предположим, что она не доверяет нам, не приближает нас к себе, разве тогда госпожа Цин Ли не зря потратила время, наставляя нас? Само собой разумеется, все события, о которых я говорила, всегда были известны в семье, я просто рассеивала тоску молодой девушки, есть ли в этом что-то важное?

Цяого выслушала, торопливо поблагодарив за наставление Ляньфан.

Через несколько дней А-Чжу обнаружила, что Ляньфан секретничает с молодой барышней, первоначально думала разок прикрикнуть на служанку, откуда ей было знать, что Ляньфан, прищурившись в улыбке, станет защищаться:

-Неужели я являюсь подстрекателем, выдумываю за спинами сплетни, искажаю, чтобы привлечь хорошее расположение хозяина семьи? В словах этой ничтожной нет даже капли обмана.

Видя, что по выражению лица А-Чжу по-прежнему недовольна, она продолжила говорить:

-Госпожа Цин Ли постоянно хвалит нас госпожу, такую способную, понимающую и одаренную, не уступающую мужчинам. Говорит, что госпожа руководит домашними делами, помогая в них еще с шести или семилетнего возраста. Неужели мы всю жизнь будем от маленькой княжны, дочери важного военачальника, все скрывать, оставляя ее внутри клетки, не заставляя осознавать бури снаружи? Если я скажу что-то неверно, вы можете бить меня и ругать, конечно. Все равно хорошее или плохое следует все рассказывать княжне, чтобы она понемногу разбиралась. Ведь только в этом случае возможно научиться различать ошибки!

А-Чжу долгое время смотрела на Ляньфан, подумав про себя: хотя эти слова и верны, однако этой служанке пожалуй что недостает сдержанности.

Но она также подумала - будет лучше, чтобы маленькая княжна все понимала и не оттолкнула собственных родителей, помня о десяти годах своего воспитания. Впредь она, А-Чжу, не допустит подобного, и стала следить исподтишка.

Красноречие Ляньфан и А-Чжу отличались как небо от земли, внимая слухам, пересказанным прекрасным голосом и с глубоким чувством, Чэн Шаошан обретала вкус к жизни.

Оказывается, в тот день матушка Чэн и ее сын рассорились, после этого матушка Чэн, перемежая речь бранью, захотела дать взятку собственными деньгами за брата Дун, жаль, но ее денежный сундук был наполовину пуст, эффективности от подобного поступка не ожидалось. Тогда она пожелала увидеть брата Дун, и его в арестантской повозке препроводили под охраной, в конце концов, старшая сестра и младший брат горько рыдали вместе. Судя по рассказам слуг, следующих за ними, дядя Дун выглядел очень изможденным и жалким.

Матушка Чэн, напрашиваясь на ссору с сыном, разбушевалась, вновь устроив сцену. Позже предприняла бесполезный ход – по старинке объявила голодовку, свой окончательный козырь. Как говорят, в прошлой династии мать императора использовала этот прием, принимая меры против сына-императора. Жаль, что матушка Чэн в прошлом прошла через тяжелые времена и уже давно опасалась голода, в течение последних лет едой без мяса не была довольна, и теперь была голодной, а пропустив всего два приема пищи, уже не могла более терпеть. Если полагаться на разговоры кухонной прислуги, то матушка Чэн, позже восстановив свой рацион первой трапезой, тотчас же съела целую копченую курицу, половину запеченного гуся, два окорока, маринованных в сое, три большие тарелки пшеничной каши, кроме того, попросила у врача лекарство, помогающее пищеварению.

Сейчас же матушка Чэн капризничала, а ситуация семьи Дун приняла ещё более дурной оборот: младшего двоюродного брата Дун арестовали, имущество семьи в деревне и лавку уже опечатали и начали проводить ревизию. Зато Дун Люй-ши вела себя превосходно, ради того, чтобы не называть матушку Чэн «одиночкой, ведущей ожесточенный бой», одна, в один присест распродала двадцать наложниц дома младшего двоюродного брата Дун. Собралась очень большая сумма денег, которую она отдала в «оборот» матушке Чэн, последняя тотчас признала ее хорошей племянницей, воплотившейся спустя многие поколения.

Новости, случившиеся за последнее время: все это время тетя Дун, ежедневно приезжая, все время плакалась, и сейчас после еды матушка Чэн выпила несколько чашек с вином. Вино сделало взрослого человека смелым, немедленно взяв кинжал для кройки хлопчатобумажной ткани, она в очередной раз отправилась угрожать сыну, если бы предположим ведя разговор с сыном, который не соглашался прийти ей на помощь, само собой, она покажет ему как надо умирать, а потом повторно отправится жаловаться о непочтительности к родителям – и здесь Чэн Шаошан глубоко ощутила насколько имеется проблема с логикой.

Чэн Ши был не в силах ее успокоить, без раздумья сказал: не то, чтобы никак невозможно спасти дядю Дун, только сын, разумеется, лишится всего с этим обвинением, ведь в таком случае дядя Дун расскажет, что получил приказ воровать от него. А потом сына обезглавят, поменяв с дядей Дуном местами, и в их семье проведут конфискацию имущества вместо семьи Дун, как тебе такое положение, матушка?

Матушка Чэн сразу же онемела, хотя она и горячо любила младшего брата, но абсолютно не думала обменивать сына на младшего брата; откуда же было знать, что сидящая рядом тетя Дун напротив получила озарение, брякнув: «Племянник является крупным чиновником, даже если он нарушит закон, не должно случиться, чтобы его вина была признана такой, в худшем случае дело завершится наложенным штрафом, лучше уж заставить племянника идти и, скрепя сердце, признать преступление!». Как только слова были произнесены, у матери и сына семьи Чэн от гнева побелела даже кожа лица.

Посторонний человек может подумать, как хорошо, что семья Дун неспособна связаться с тюремным надсмотрщиком и невозможно ей войти в тюрьму, невозможно увидеться с дядей Дуном, в противном случае точно бы сговорились с ним и, пожалуй, чего доброго, дядя Дун действительно мог оклеветать семью Чэн и что же могло из этого получиться?

Чэн Ши тут же впал в ярость, и несмотря на то, есть ли люди, слушавшие его или нет, ринувшись вперед, встал прямо в центре большого зала, громко крича на матушку Чэн:

-Свершилось! Из всех моральных принципов самое важное - это почитание родителей, только и нужно, чтобы матушка распорядилась - я сразу же отправлюсь в северную армию, явлюсь добровольцем с повинной в место заключения! В будущем матушка, следуя за вторым или третьим младшим братом, будет жить с ними вместе!

В этот прием пищи немало людей повсюду дослушали его до конца, служанки, ведущие хозяйство одна за другой, говорили: пожилая госпожа семьи в конце концов сошла с ума. Только лишь госпожа Сяо, избегавшая таких сборищ, слегка улыбалась, не ругаясь недобрыми словами, ведь в случае спора, каким бы не было хорошее расположение, от этого только будет вред.

В это время матушка Чэн очнулась в испуге от алкогольного опьянения, всеми силами взмахнув рукой, влепила тете Дун звонкую сильную пощечину и сразу же сама заболела, спрятавшись в своих комнатах, до сих пор не выходя наружу. Даже, когда спустя какое-то время услышала, как Чэн Ши инструктирует челядь больше никогда не допускать тетю Дун хотя бы на полшага на порог дома семьи Чэн, а если какой человек впустит ее, ему тотчас же перешибут ноги. Матушка Чэн не решалась вмешаться, инцидент сразу замер на месте, пока Дун Люй-ши на трети сутки не пришла к воротам просить прощение.

Согласно версии госпожи Цин Ли (передала Ляньфан), у семьи Дун старшие были алчными, младшие любили разврат, а у тети Дун к тому же кружилась голова от денег. Дун Люй-ши являлась единичным экземпляром толкового человека в семье Дун; только и эта доля понимания также появилась в обмен за целый ряд страданий.

Обе семьи Дун и Люй по своему происхождению и материальному положению были зажиточными крестьянами. Главы этих семей раньше обычного составили брачный контракт для внуков, откуда было знать, что старый господин Дун рано умрет, вдобавок ко всему во всём мире начался хаос, и вслед за тем состояние семьи становилось хуже день ото дня, семья же Люй, тем не менее, всё ещё была способна сводить концы с концами. Старый господин Люй, оставаясь верным своему слову, всё же собирался отдать замуж маленькую внучку, дочь сына; даже питаясь в семье Дун, вряд ли она, маленькая, объест их. Первые несколько лет дядя и тетя Дун весьма неплохо относились к молодой снохе, кто бы знал тогда, что Чэн Ши стремившийся к единой цели со своими сверхспособностями, отсутствуя несколько лет, приобрел положение. Пересматривая братьев из семьи Чэн, уже женившихся на богатых и благородных молодых женщинах, пожилая супружеская пара семьи Дун замечала, что у невестки и глаза не такие и нос не таков. Если бы Дун Люй-ши уже не родила нескольких сыновей и дочерей, к тому же была искусной в заискивании, пожалуй, они давно бы отреклись от нее.

Неизвестно о чем говорила Дун Люй-ши с матушкой Чэн, с рассвета и без перерыва, остановившись лишь в полдень, но, как говорили, дурной нрав матушки Чэн исчез полностью, в итоге, вечером, ее заикающийся посланник отправился пригласить Чэн Ши и госпожу Сяо, что для всех означало признание поражения.

В то время, когда они услышали призыв матушки Чэн, Чэн Ши и госпожа Сяо как раз вызвали Чэн Шаошан пообедать вместе, при случае они пытались установить душевную связь между родителями и ребенком; увидев тревожный взгляд стоящей у двери на коленях служанки, госпожа Цин Ли, смеясь, сказала:

-А в сравнении с предсказанием госпожи немного раньше пришла, по-видимому, Люй-ши - выдающийся оратор.

Госпожа Сяо улыбнулась, но ничего не сказала, поднявшись, собралась уже идти, но Чэн Ши, находившийся уже около выхода из комнаты, всё же не забыл о дочери, настойчиво прося ее:

-Няоня, ты сама прежде покушай. Кушай много мяса!

Чэн Шаошан, вставая с места, показала жестаи руки, чтобы остановились, только тогда вымолвила:

-Да. Почтительно провожаю батюшку и матушку, возвращайтесь как можно раньше, батюшка и матушка.

Голос дочери был мягок, похож на тесто, замешанное из пудры, в душе Чэн Ши это понравилось, сощурившись в улыбке, кивая в знак согласия, он вышел из комнаты.

Потом присев на колени, Чэн Шаошан склонила голову и печально ела, сбоку от нее стоявшая А-Чжу немного удивилась, госпожа Цин Ли посмотрела и, улыбнувшись, сказала:

-Княжне не надо так грустить, госпожа и господин в будущем могут прийти и составить компанию тебе за обедом, сегодня действительно есть дела.

Чэн Шаошан склонилась, соглашаясь.

К сожалению, даже госпожа Цин Ли, сообразительный и способный человек, ошиблась, Чэн Шаошан так не думала - ей попросту не нравилось, когда посторонние люди называли ее «Няоня»*, потому что ее саму в прошлом называли детским именем «Линнань»*, хотя называвший ее так человек уже умер.

*Как уже ранее говорилось, 俏俏 - «Няоня» переводится как изящный, прелестный. Но у данного словосочетания есть еще одно толкование, когда в китайском языке переводят предложение, говорящее о звучании чего-либо, то толковать словосочетание можно как протяжный, переливчатый. 俏俏 - девичье имя, которое главная героиня помнит с прошлой

жизни звучащее, как «Линнань», где «нань» – это девочка, дочка, а «лин», часть предыдущего имени в обозначении звон, звенеть. Переводчик предположил, что именно поэтому главная героиня так отреагировала.

.....

Каждый раз входя в комнаты матушки Чэн, госпожа Сяо ощущала как начинает рябить в глазах. Требования матушки Чэн к своим комнатам очень просты: жить в богатстве и чести, жить в богатстве и чести и опять жить в богатстве и чести. От настила пола, столиков до постельных принадлежностей и мебели для сиденья, лишь бы каждое место было инкрустировано золотом и целиком заполнено золотом и шелковыми тканями.

Сначала матушка Чэн говорила несколько неловко, но, болтая, она раскрылась, разговаривая еще более послушно. Она тянула Чэн Ши за руки, вся в соплях и слезах, вымолвила:

-... жена твоего младшего двоюродного брата хорошо сказала, на кого еще возможно рассчитывать постаревши, кроме как опираться лишь на сына. Ты все эти годы в крови, в пламени войны добился результата, чтобы я счастливо жила в старости, питаюсь мясом, и пила вино, как же я могу управлять твоей жизнью и смертью, сравнивая тайком с посторонними людьми, уделяя внимание...

Чэн Ши и госпожа Сяо переглянулись друг с другом, ничего не говоря.

Матушка Чэн, продолжая рыдать в голос, промолвила:

-Твой дед, мой отец, на смертном одре, подозревая меня просил заботиться о доме, однако я не смотрела хорошо за ним. Ведь твои другие дяди, кто мертвы, кто разбежался, остался всего лишь этот. Я чувствовала, что окажусь недостойной скончавшихся родителей. И вот сейчас только все время и думаю, как помочь семье Дун, в будущем если ты не желаешь – я совсем не буду соваться не в своё дело, чего уж...

Госпожа Сяо в своих мыслях по-новому посмотрела на Люй-ши, сейчас потребовалось только полдня, чтобы основательно держа под контролем матушку Чэн, убедить ее изменить направление. Она посмотрела на мужа, Чэн Ши, осознав взгляд, сказал:

-Матушка, что все же сказала жена младшего брата Люй?

Матушка Чэн твердо хранила в памяти слова Дун Люй-ши – нарочито притвориться слабой, обязательно следует показать свою слабость и сразу же приветливо сказала:

-Она говорила, что достаточно того, что ты получил повышение за имеющиеся заслуги, а семья Дун естественно воспользовавшись знакомством с тобой, зазвала твоего дядю идти в армию и состоять на службе при тебе, подрывала твоё основание, оттягивала тебя назад, – переходя к нужному месту, ее тон изменился, скрежеща зубами, она сказала: – На самом деле за все эти последние годы семья Дун не накопила каких-либо богатств, либо потому что твой младший двоюродный брат относил их к забавляющейся с ним замуженной женщине, либо потому что

твоя злобная и бессердечная тетя взяла их, чтобы помочь семье своей матери!

Несмотря на то, что матушка Чэн сама любила оказывать помощь своей родительской семье, однако испытывала отвращение, когда посторонний человек оказывал материальную помощь материнскому дому. Госпожа Сяо когда-то в прошлом оказывала помощь семье своих родителей, и она бранила ее за это несколько лет. Все это время раздумывая, как самой покрыть недостачу младшего брата деньгами, она достаточно много отдавала его жене, которая переселилась обратно в дом родителей, и считала себя правой быть в неудержимой ярости; про себя рассчитывая в один из свободных дней, отправиться к тете Дун и, заперев дверь, хорошенько оттаскать тетю Дун за волосы, избить разок, срывая свое дурное настроение.

-Сын, - матушка Чэн внезапно похлопала по руке Чэн Ши, - ты выручи еще раз своего дядю, у них также имеются пашни, также есть дом, не помрут с голоду, не замерзнут, после этого я никоим образом не приду и не продолжу надоедать тебе! - повернувшись к госпоже Сяо, сказала: - В будущем в домашних делах полностью распоряжайся как нравится, я состарилась и как раз буду наслаждаться безмятежной жизнью.

Взгляд госпожи Сяо был подобен прозрачным водам в глубоком пруду, никакая рябь не шевелилась в нем, войдя в комнату так давно, только сейчас она заговорила:

-По-видимому свекровь правильно поняла, действительно, дело не в том, что дядю невозможно спасти...

Первоначально матушка Чэн вытирала слезы и попутно незаметно закатывала глаза, госпожа Сяо еще не закончила говорить, как она подскочив в высоту на три чжана, вспыльчивым голосом, сказала:

-Хорошенькое дело, вы оба - люди, не имеющие совести, в самом деле подставили дядю, только ради того, чтобы приехать и принудить меня. Меня, твою мать, ты вдруг осмеливаешься так, я хочу, я хочу...

-Что свекровь хочет мне сделать? - перебив, холодно сказала госпожа Сяо. - Что свекровь способна мне сделать?

Матушка Чэн на некоторое время умолкла, Чэн Ши находился в полной неподвижности, внутри комнаты царил тишина.

Госпожа Сяо не спеша поднялась с места, закрыла более плотно дверную занавеску на входе в дом, развернувшись кругом, сказала:

-Просто отрекитесь от меня. Думаю, свекровь также слышала о моей репутации, все эти годы я жила в укрепленном городе, кроме того, побывала на боевых позициях, у меня появилось чуть-чуть заслуг, не говоря о том, что можешь ли ты вынудить господина отречься от меня, даже

если он отречется, то каким образом? Я все еще жива.

Она слегка усмехнулась, ее губы сложились в укоризненную улыбку, отчетливо сказала:

-Я еще жива, а вот посторонний человек может заблуждаться.

На матушку Чэн как будто вылили ушат холодной воды, ошеломленная, она не шевелилась.

Некоторое время госпожа Сяо спокойно смотрела на нее, затем промолвила:

-Люй-ши сказала так много, неужели не говорила об этом?

Все тело матушки Чэн затряслось, когда она поднималась на ноги, сын использовал ее собственного младшего брата для ее принуждения, хотя сама она ведь думала использовать невестку, принуждая сына, однако слова, произнесенные Дун Люй-ши, все еще звучали в ее ушах.

"Как говорят снаружи, жена старшего брата Сяо на передовой спасала больных и раненных, успокаивала среди военной смуты простой народ, и лучшие люди из верхов и низов расхваливали ее. Императорский дворец в столице объявил благодарность ей. Допустим, даже вы заставили силой генерала отречься от нее, ну и что? Она еще может умереть от голода, замерзнет насмерть, умрет от стыда, только заставьте все семьи говорить, что вы – глупая злодейка. У генерала душа полна гнева, кроме того, неправильно выпускать его на голову семьи Дун, ваш младший брат и племянник – эти два человека все еще живы! После вашей смерти генерал опять встретится с ней и возвратит ее, и она по-прежнему будет наслаждаться счастьем в доме, полном детей и внуков, однако семья Дун..."

При взгляде на спокойную с ледяным лицом госпожу Сяо голос матушки Чэн застрял внутри горла, пальцы дрожали, повернув голову к Чэн Ши, она сказала:

-Сын мой, ты видишь, как она третирует меня?

Чэн Ши глубоким голосом сказал:

-Я понимаю, матушка полагает, что я всегда склоняюсь на сторону Юаньби. Однако пусть матушка поразмыслит, неужели, женившись, я изменился? В течение этих десяти лет все действия и поступки Юаньби, матушка, все ваши действия и поступки, все происходило на глазах этого сына, – он повернул голову, окинул взглядом жену, оглянулся назад на матушку Чэн, – то что хочет Юаньби, именно это хочу и я. Нельзя продолжать потакать семье Дун, матушка, тебе также следует сделать передышку, не следует вам потакать им и в будущем, вам как раз незачем никуда вмешиваться, а время отдохнуть.

Матушка Чэн внезапно осела на землю, внезапная слабость разлилась во всем теле и невозможность ничего вымолвить – не сумела ни браниться, ни ругаться. В сердце Чэн Ши родилась жалость, подняв голову, перевел он взгляд на жену, едва госпожа Сяо слегка кивнула головой, Чэн Ши сразу же сказал:

-Ты прежде, чем вернешься в комнату, прикажи запереть дверь хорошо, наглухо.

Госпожа Сяо, смотря на Чэн Ши, слегка улыбнулась, сказала:

-Да.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2636591>